

В. И. Колесник

«РУССКАЯ» ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XVII в.

История приволжских калмыков, представлявших в качестве особого этнополитического образования кочевую цивилизацию евразийского степного пояса на завершающем этапе ее развития, началась вместе с движением части ойратов из Джунгарии на Запад в начале XVII века. В этом движении приняли участие все четыре главных ойратских субэтноса: дербеты, торгоуты, хошоуты и чоросы. Но главную роль в нем сыграли торгоуты, составившие основную массу приволжских калмыков. Сразу же выявилась одна из наиболее ярких отличительных особенностей истории калмыков — их неизменная ориентированность на тесное взаимодействие с русскими.

Сама миграция ойратов происходила вдоль границ Российского государства, с настойчивым давлением на эти границы, целью которого было право обитать, если не в их пределах, то, по крайней мере, в непосредственной близости от них. В историографии этот феномен объясняется двумя достаточно простыми причинами: земельной теснотой, из-за которой часть кочевых обществ вытеснялась к границе между кочевым и оседлым обществами, во-первых, и жизненной потребностью скотоводов в регулярных торговых связях с земледельцами, во-вторых¹.

Однако вряд ли эти причины могут быть признаны достаточными. Еще С. К. Богоявленский писал, что калмыки вели почти непрерывные войны со всеми своими соседями, включая русских и башкир, туркмен и хивинцев, ради кочевий и добычи. Но он же отметил, что междоусобные войны, нередко более ожесточенные, чем внешние, велись калмыками за старшинство, улусы, но никогда — за кочевья или уголья. Свободных мест для кочевания хватало на всех. И это свое утверждение проиллюстрировал примером группы ногаев, уведенных калмыками из-под Астрахани и не пожелавших вернуться, потому что им было привольно кочевать с новыми своими правителями².

Между тем, если вопрос о территории стоял как вопрос жизненного пространства для новой социальной или этнической группы, то он решался изгнанием или уничтожением традиционных социальных и этнических групп на спорной территории. Когда в XVI в. нарождавшейся английской буржуазии понадобились земли под пастбища, она отняла пашни у феодально-зависимых крестьян, превратила их в люмпенов, загнала в города и, в конце концов, уничтожила как класс. Когда в XIX в. европейским колонистам в Северной Америке понадобилась земля под пашни и ранчо, они забрали охотничьи уголья у индейцев, физически уничтожили основную их массу, а выжившее меньшинство загнали в резервации. Однако депортации и геноцид с такой мотивацией были

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983. С. 64–66.

² Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в I половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 87.

характерны для нового времени. В античности и средневековье они имели место как крайнее средство против этносов, которые ни при каких условиях не соглашались признать над собой власть завоевателей. Одним из последних по времени примеров такого рода является геноцид в XVIII в. джунгар китайцами, которым территории Западной Монголии для собственного обитания или хозяйственного использования были совершенно не нужны³.

Приведенная С. К. Богоявленским ситуация, в которой ногаи согласились кочевать вместе и под властью захвативших их калмыков, типична для межэтнических и межгосударственных отношений в докапиталистических обществах, вне зависимости от того, какой была их экономическая основа: земледельческой или скотоводческой. Новые земли, в их числе и кочевья, завоевывались не для того, чтобы согнать с них автохтонное население (иначе говоря, не потому, что завоевателям недоставало собственных земель), а для того, чтобы подчинить его своей власти, обложить данью, повысить собственный статус за счет расширения круга подданных. Тем более, что истинный ранг владыки в средневековом мире определялся не титулом и даже не площадью принадлежавших ему земель, а численностью подвластного ему населения: соплеменников, дружинников, вассалов, подданных и т. п.

Одной из причин башкирско-калмыцких конфликтов, начавшихся в 20-е г. XVII в., стали земли в верховьях Тобола, среднем течении Яика, по рекам Илеку, Ори, Книлу, Сакмаре. Для башкир, которые постоянным образом кочевали ближе к Уфе и в горных районах Урала, указанные территории не были жизненно необходимыми, на них они только сезонно охотились⁴. Тем не менее, считали они их исключительно своими и упорно отстаивали. Для захвативших эти земли калмыков они тоже не являлись последним пристанищем. Во всяком случае, в 1645 г. «дальние калмыки», т. е. хошоуты и чоросы, настаивали на возвращении торгоутов с Яика на Иртыш. И те почти согласились⁵.

Принципиально важно и то, что калмыки не связывали свое расселение на этих землях с изгнанием с них башкир. Наоборот, калмыцкий тайша Дайчин, объясняя в 1649 г. русскому послу причины своих набегов на Уфимский уезд, выражал надежду, что башкиры в конце концов будут кочевать вместе с ним и под его рукой⁶. Можно в связи с этим вспомнить о 15 тыс. кибиток едисанцев, ембуйлуковцев и ногайцев, которые поколениями кочевали с калмыками и только в 1723 г., воспользовавшись усобицей детей и внуков хана Аюки, бежали от них на Кубань⁷. Подобных фактов, которые прямо опровергают тезис о нехватке кочевых угодий в Великой степи в XVII–XVIII в., великое множество, и они хорошо известны.

Странно выглядит и мысль о потребности калмыков в торговых связях как одной из причин их вторжений на русские территории. Русская сторона постоянно увязывала вопрос об условиях торговли с вопросом о том, что калмыки будут кочевать на благоразумном от русских границ расстоянии. Так, в 1649 г. Дайчин неоднократно обращался к астраханскому воеводе с прошениями о разрешении торговать под Астраханью и пропуске его людей с конскими табунами на продажу в Москву. В самом конце года калмыки наконец получили из Москвы разрешение приходить торговать под Астрахань. Но с обязательным условием, что калмыцкие тайши будут кочевать к востоку от Яика, не переходя на его правый берег, т. е. не ближе, чем в 300 км от Астрахани⁸.

Представляется, что первопричиной стремления калмыков занять своими кочевьями уже включенные в орбиту российской государственности земли было достижение ойратскими субэтносами

³ См.: Гуревич Б. Л., Моисеев В. А. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII в. и китайская историография // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 53–55.

⁴ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 49.

⁵ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. документов. М., 1974. № 80. С. 263–266.

⁶ Там же. № 113. С. 57.

⁷ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 40.

⁸ Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 54–55.

того уровня социально-политического развития, с которого начинается формирование государства. Калмыцкие тайши неоднократно давали шерти на подданство России. В принципе шертные договоры создавали правовую основу для экономического, политического и военного сотрудничества сторон. Но они легко нарушались, создавая впечатление бесперспективности развития дипломатических связей с калмыками, о чем совершенно откровенно заявил в беседе с послами тайшей Дайчина и Йельдена 6 июня 1645 г. думный дьяк Посольского приказа Григорий Львов: «И вперед шерти их верить немочно, что они шертвуют, а на правде своей не стоят»⁹. В историографии такое, на первый взгляд, легкомысленное отношение к шертным обязательствам обычно расценивается как проявление политического авантюризма калмыцкой знати¹⁰.

На самом деле тайши были дальновидными и осмотрительными политиками, а определенная доля конфронтационности, постоянно присутствовавшая в русско-калмыцких отношениях XVII—XVIII в., а в первой половине XVII в., возможно, даже превалировавшая над добрососедством, была неизбежна и, с точки зрения интересов зарождавшейся калмыцкой государственности, исторически оправдана. И дело даже не столько в том, что постоянная внешняя опасность, зачастую создававшаяся искусственно, являлась доминирующим фактором ранней государственной консолидации.

Существование государства невозможно иначе как на определенной территории с четко очерченными границами, получившими международное признание. Однако вопрос об определении и признании границ возникает только в том случае, если они становятся предметом спора. Калмыкам приходилось «прижиматься» к границам Русского государства, потому что никаким иным способом невозможно было вписаться в европейскую геополитическую систему.

Аналогичный смысл имело шертование, которым устанавливалась вассальная зависимость калмыцких тайшей от Российской короны. В действительности эта зависимость была призрачной. Возможностями жесткого контролирования ситуации в приволжских степях русское правительство не располагало. Калмыцкие вожди это прекрасно понимали, но после очередного нарушения шертей вновь и вновь их возобновляли, потому что таким способом они приобретали официальный статус в межгосударственных отношениях, иными словами, добивались международного признания. Несоблюдение шертных обязательств тоже не было бессмысленным. Каждый такой факт создавал прецедент для переговоров, в которых тайши заявляли о себе как о субъектах международного права. Что касается цены в виде частичной утраты суверенитета, то она была чисто символической. Реальной властью русские цари над калмыцкими тайшами не обладали.

К тому же до 1655 г. шертные договоры заключались в устной форме и содержали общие положения, допускавшие разное толкование. При необходимости, как это, например, случилось в русско-калмыцких переговорах 1649 г., тайши могли настаивать на том, что шерти представляют собой договоры двух равноправных субъектов международных отношений о сотрудничестве, но отнюдь не акты принятия калмыками русского подданства¹¹.

В 40–50-е гг. XVII в. в связи с обострением борьбы сыновей тайши Хо-Урлюка за верховную власть над приволжскими торгоутами, выявился еще один важный аспект влияния русско-калмыцких связей на развитие калмыцкой государственности. Жесткой традиции в порядке наследования власти у ойратов еще не существовало. Хо-Урлюк явным образом никого из сыновей не выделял, предоставив им самим определить внутриродовую иерархию: «(Торгоутовский) Хо-Урлюк, разделивши между (шестью) сыновьями 1000 кибиток сказал им «кто хорош, тому нет нужды — много ли мало ли у него народу. Дети! вы сами ведайте — быть ли хорошим или дурным»¹².

⁹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 г. С. 50.

¹⁰ Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII в. Элиста, 1992. С. 33.

¹¹ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 113. С. 355.

¹² Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 31.

Можно допустить, что ближе других сыновей был Хо-Урлюку Кирсан, который с 1604 г. кочевал вместе с отцом¹³ и, возможно, исподволь готовился им в наследники. Не исключено, что известный поход 1643/44 г. был задуман, помимо всего прочего, чтобы обеспечить Кирсану первенствующее место среди братьев. По своим масштабам эта военная кампания была беспрецедентной на западном направлении ойратской экспансии. Осенью 1643 г. калмыцкие тайши совместно с ранее подчинившимися калмыкам едисанскими и ногайскими мурзами перешли на волжское правобережье. Поход был задуман в трех направлениях. Первое, возглавляемое Лаузаном, сыном Хо-Урлюка, войско форсировало Волгу ниже Царицына и двинулось на Кубань, где разгромило часть Казыева улуса и со славою вернулось обратно. Другое войско во главе с Даян-Эрке, сыном Дайчина, внуком Хо-Урлюка, вышло к Тереку с намерением присоединить кочевавших здесь ногайцев, но не нашло их и без славы, но благополучно вернулось домой. Третье войско во главе с самим Хо-Урлюком выступило через несколько дней после Даян-Эрке и вслед за ним. Это были основные силы. В поисках противника они углубились в горы и в феврале 1644 г. были разгромлены в Кабарде соединенными силами русских, черкесов и ногайцев. Из 10 000 участников этого похода в улусы за Волгу возвратилась только 1000 воинов. Кирсан все время находился рядом с отцом во главе основных сил. В случае триумфа главные лавры победителя достались бы ему. Тем более, что Дайчин, старший и наиболее влиятельный из братьев, по странному стечению обстоятельств находился тогда на богомолье в Тибете. Однако Хо-Урлюк и Кирсан сложили головы в этом завершившемся тяжелейшим поражением походе¹⁴.

Следующим из братьев сошел с политической сцены Шункей. Его имя впервые упоминается в числе пяти дербетских и торгоутских тайшей, в 1607 г. приславших своих послов на переговоры с русскими в г. Тару¹⁵. Он тоже принимал участие в несчастном для калмыков походе 1644 г., затем в переговорах с Джунгарией и Москвой в 1645 и 1646 г., но на вторых ролях. После этих событий его имя в источниках уже не встречается. Можно предположить, что для Шункея уход из политики совпал с естественным и мирным уходом из жизни, и поэтому он и не отразился в источниках.

Третьим стал Йельден, судьба которого привлекла особое внимание калмыцких хронистов: «(Хошоутовский) Гуши Хан говорил (торгоутовскому) Йельдену: “Если кто и обезсилит, обидит тебя, так обезсилит твой старший брат, и ты останешься с четырьмя или пятью кибитками подвластных”. Эти слова сбылись, когда Дайчин завладел (собственно “съел”) его улусом, а самого его бросил на месте нутука (кочевки)». И еще: «Гуши Хан сказал Йельдену, что он схватит Дайчина и отдаст ему, Йельдену, на что Йельден с сердцем отвечал: “Вырезавши кусок мяса от ляжки снова не приставишь к ней”»¹⁶. По-видимому, первый разговор состоялся во время всемонгольского чулгана 1640 г., на котором присутствовали все названные лица. Второй — накануне или во время второго паломничества Дайчина в Тибет, т. е. между 1647 и 1653 г., когда Гуши-хан умер. Последний раз имя Йельдена упоминается под 1661 г., в отписке астраханского воеводы, сообщавшего, что согласно полученным им сведениям Йельден и Санжин летом того же года скончались в Тибете¹⁷. Очевидно, в 1640-е г. Йельден противостоял Дайчину, а после 1646 г., осознав бесперспективность борьбы, откочевал в Джунгарию и далее в Тибет.

Что касается Санжина, то, если судить по скудости источниковых данных, он, как и Шункей, ничем особенным себя не проявил, в борьбе за внутрисемейное лидерство самостоятельной роли не играл. Его имя почти всегда упоминается в ряду с остальными братьями и на втором плане. В

¹³ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. документов. М., 1959. № 2. С. 22.

¹⁴ Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 71.

¹⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. № 3. С. 24.

¹⁶ Лыткин Ю. История калмыцких ханов (Перевод) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 56. Прим. 8.

¹⁷ Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. С. 98.

шертных записях 1655 и 1656 г. его имя названо после имен Дайчина и Лаузана, но перед именами племянников, сыновей Дайчина, Мончака и Нама-Серена, а в шерти 1657 г. уже не встречается. Вероятно, он тогда вслед за Йельденом откочевал в Тибет.

Наиболее последовательно и успешно отцовскому совету следовали Дайчин и Лаузан. Во всяком случае, во всех трех сохранившихся калмыцких хрониках в числе всего четырех «чрез порядочное владение размноживших своих подвластных ойродских владельцев» наравне с хошоутским Гуши-ханом и чоросским Цеван-Рабданом названы именно они¹⁸. И именно между ними развернулась борьба за верховную власть над торгоутовским улусом. После 1656 г. она вылилась в открытое вооруженное противостояние. Дайчин подчинил себе ранее подвластных Лаузану ногойцев, а в 1658 г. разгромил его и вынудил бежать за Яик. В следующем году уже Лаузан напал на улусы старшего брата и причинил им серьезный ущерб, но в итоге потерпел поражение и был вытеснен за Яик. В 1660 г. Лаузан напал на русских ясачных людей в Барабинских волостях, сам подвергся здесь нападению дружественного России хошоутского тайши Аблая и погиб вместе со своими сыновьями. Большая часть его улусных людей вернулась в приволжские степи под власть Дайчина. Жена Лаузана Чечен-Каньш с меньшей частью подвластных осталась в подчинении у Аблая. Но в 1662 г. и она всего лишь с сотней кибиток вернулась к волжским торгоутам¹⁹. Подобно Йельдену, Лаузан признал справедливость победы старшего брата. Когда его сыновья Дорджи и Галдама хотели за отцовские обиды напасть на дядю, «Лоузан сказал с сердцем: не нападайте на моего старшего брата; вы не в состоянии сохранить в целости нутук Торгоутовский»²⁰.

Но в 1654 г. Лаузан еще гнал от себя такие мысли и не собирался отказываться от первенствования в роде в пользу старшего брата. Между тем случилось так, что линию на развитие мирных отношений с русскими выпало проводить именно Дайчину. Вряд ли это объяснялось каким-то его особым миролюбием или симпатиями к русским. Просто политический пасьянс выпал именно таким образом. В свое время Дайчина с тем, чтобы ослабить его лидерское положение, под благовидным предлогом отстранили от участия в перспективном военном походе. Но, как оказалось, тем самым его усилили, освободив от груза ответственности за войну и за поражение в ней. Он оказался единственным из братьев, над кем не тяготел комплекс неудачника и перед кем у русской стороны не было предварительного преимущества в переговорном процессе.

Скорее такое преимущество появилось у Дайчина, так как для русских он превратился в наиболее желательного партнера. Представляется, что в силу этих обстоятельств только Дайчин после своего возвращения в 1647 г. из первого паломничества в Тибет мог реально осуществлять курс на сглаживание пиков недоброжелательства, возникших в русско-калмыцких отношениях в результате событий зимы 1643/1644 года. Успехи такого курса означали укрепление лидерского положения Дайчина, который им в полной мере воспользовался. Торгоуты сохранили за собой кочевья по Яику, вернули пленных, оправались после поражения, восстановили свой политический статус и военный потенциал²¹. И все это — не в последнюю очередь вследствие нормализации отношений с Русским государством, иными словами, благодаря Дайчину, к которому после гибели Хо-Урлюка перешел титул первенствующего тайши («ахалакчи-тайша»)²².

Наоборот, обострение конфронтации с Россией ослабляло позиции Дайчиновой ветви Хо-Урлюковой династии и выводило на первые роли Лаузана и его сыновей. Лаузан был последовательным сторонником жесткой линии по отношению к России, что объяснялось многими причинами. В частности,

¹⁸ Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 150.

¹⁹ Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. документов. М., 1996. № 26, 27, 30, 34. С. 74, 77, 83, 86.

²⁰ Лыткин Ю. История калмыцких ханов (Перевод). С. 56. Прим. 8.

²¹ См.: Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. С. 80–82.

²² История Калмыцких ханов // Астраханские губернские ведомости. 1860. № 26. С. 175.

именно он сыграл заглавную роль в овладении торгоутами Волго-Уральским междуречьем. По свидетельству Габан Шароба и анонимного автора «Истории Калмыцких ханов», Лаузан первым, когда ставки Хо-Урлюка и Дайчина находились на азиатском берегу Яика, перешел на европейскую его сторону и вместе с Йельденом подчинил торгоутам кочевавших здесь ногайцев, которых впоследствии Хо-Урлюк при наделении сыновей улусными людьми отдал в управление им двоим²³.

Как уже отмечалось, Лаузан был одним из главных предводителей в кампании 1643/1644 года. Когда другой вождь этого похода Даян-Эрке, сын Дайчина, под давлением своих улусных людей вынужден был в 1644 г. начать переговоры с уфимским воеводой о принятии русского подданства и выдаче заложников, Лаузан хотел идти войной на родного племянника. Хотя до этого дело так и не дошло и прорусские настроения вассалов Даян-Эрке удалось преодолеть с помощью ламаистского духовенства, но сам Даян-Эрке внезапно скончался от «немочи», возможно, был отравлен, а его улус перешел под руку другого сына Дайчина Нама-Серена²⁴. В 1645 г. имя Лаузана называется первым при перечислении его братьев Йельдена, Шункея, Санжина и племянника Нама-Серена в связи с их планами откочевать в Джугарию²⁵. В 1646 г. Лаузан стал главным виновником срыва переговоров с прибывшим в улусы из Москвы Алферием Кудрявцевым, перед которым была поставлена задача добиться нормализации русско-калмыцких отношений²⁶.

Добившись стабилизации внутривосточной ситуации в улусах и восстановив отношения с северным соседом, Дайчин в самом начале 1650-х г. вновь выехал на богомолье в Тибет. Вряд ли можно сомневаться в том, что благочестивым целям поездки сопутствовали политические, в частности, консультации с Эрдени-Батур-хунтайджи и другими ойратскими лидерами относительно внешней политики торгоутов. Возможно, речь шла о том, чтобы заручиться политической и военной поддержкой Джунгарского ханства в организации дальнейшего продвижения торгоутов на западном направлении. Во всяком случае, в 1654 г. уфимский толмач В. Кержатский, возвратившийся из калмыцких улусов, которые располагались в 2-х днях пути от восточного берега Яика и в 10-ти днях пути от Уфы, информировал о том, что «слыше он от самово Мончака-тайши и от ево улусных людей, что де в нынешнее вешнее время с отцом ево, Мончаковым, з Дайчином-тайшею будут к ним дальние калмыцкие люди Батыр-контайша Каракулин со многими своими калмыцкими воинскими людьми. А в какову пору они придут и куды их приход будет, того не ведомо»²⁷.

Впрочем, к этому времени эта информация уже устарела. В январе 1654 г. Мончак сам сообщил в Астрахань, что «...отец де ево, Мончаков, Дайчин тайша в нынешнее зимнее время из дальних калмыцких улусов из сибирских мест прислал людей своих тридцать человек, а с ними приказывал, чтоб ему, Мончаку тайше, с твоими государевыми астраханскими людьми быть в миру, а войны и задору ни в чем не чинить»²⁸. По-видимому, надежды Дайчина на общеойратскую поддержку не оправдались, и от военных планов ему пришлось отказаться.

Известие от Мончака пришлось как нельзя кстати. Незадолго до этого астраханские воеводы получили указ от царя Алексея Михайловича об установлении мирных отношений с калмыками и приведении их к шерти²⁹. В феврале из Астрахани к тайшам Лаузану и Мончаку, ставки которых находились на расстоянии всего одного дня пути от города на правом берегу Волги, в урочище Коровья Лука, был отправлен толмач Афанасий Борисов. Совершенно неожиданно его приняли с

²³ Габан Шароб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись). С. 157; История Калмыцких ханов. № 26. С. 174.

²⁴ Божьявленский С. К. Материалы по истории калмыков в I половине XVII в. С. 83; Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. С. 73.

²⁵ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 78. С. 261. № 80. С. 264.

²⁶ Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. С. 75.

²⁷ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 135. С. 400.

²⁸ Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века. С. 57.

²⁹ Гучинов М. И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века // Вестник института. № 3. Элиста, 1968. С. 48.

крайней враждебностью. Посла обвинили в том, что он прислан «для обману, а не с правдою», подвергли насилию (схватили, связали, сломав при этом руку), ограбили «донага» и отправили в дальние улусы. Сразу после этого участились калмыцкие набеги на русские владения. Ситуация разрешилась только в декабре месяце. В Астрахань прибыл посол от Дайчина, который объяснил, что «дурно всякое было» из-за отсутствия в улусах Дайчина и что набеги — дело рук не калмыков, а кочующих с ними татар, что калмыки готовы дать шерть и разменяться пленными³⁰.

Тайша Дайчин, скорее всего, был предельно искренен, когда заверял русских в своей готовности к укреплению мира и добрососедства. Эта искренность была обусловлена тем, что диаметрально противоположной позиции придерживался его младший брат Лаузан, которому в иерархии торгоутских властителей принадлежало второе после Дайчина, а в его отсутствие и первое место. Совсем не случайно внезапные (на фоне явно обозначавшегося взаимопонимания и стремления сторон к сближению) обострения в русско-калмыцких отношениях в середине 40-х и середине 50-х годов XVII в. были так похожи друг на друга. Причем они совпадали даже в конкретных деталях. Бросается в глаза, что оба кризиса случились незадолго до возвращения Дайчина из паломничества в Тибет, в обоих случаях мирные инициативы исходили от главных наследников власти Дайчина, его старших сыновей, в обоих случаях переговоры торпедировал тайша Лаузан, в обоих случаях он использовал для этого неподобающее обращение с русскими послами. На самом деле вопросы внешнеполитического курса имели в данных ситуациях второстепенное значение, в первую очередь речь шла о проблемах внутренней политики, а именно: сохранит Дайчин за собой и своими наследниками статус первенствующего тайши или он перейдет к Лаузану и его сыновьям. Успех в этом соперничестве сопутствовал более прагматичному Дайчину.

В течение января 1655 г. гонцы сновали между Астраханью и улусными ставками. На этот раз вопросы, не поддававшиеся согласованию на протяжении полувека, стремительно разрешались, калмыцкая сторона легко шла на уступки. Шертный договор от 4 февраля 1655 г. впервые в истории русско-калмыцких дипломатических связей был оформлен в виде письменного документа, содержал конкретные обязательства, не оставлявшие сомнения в вассальном статусе торгоутов по отношению к Русскому государству, скреплен от имени тайшей подписями высокопоставленных послов и клятвой на ламаистских святынях. В марте 1656 г. эта шерть была продублирована еще одной аналогичной по форме и содержанию. Показательно, что эти шерти давались от имени не только Дайчина и его сыновей, но и от имени братьев Лаузана и Санжина, причем их имена писались в шертях сразу после имени Дайчина и перед именами его сыновей Мончака и Нама-Серена³¹.

Принципиально отличается от первых двух третий шертный договор, датированный мартом 1657 г. Он был подписан тайшами Мончаком и Манжиком и открывался словами: «Даем шерть великому государю царю... мы калмыцкие тайши: я, Мончак тайша, за себя и за отца своего родного Дайчина тайшу, Урлюкова, да я, Манжик тайша, Даян Эркин сын, за деда своего родного Дайчина тайшу... на том, что Дайчину тайше и нам, Мончаку и Манжику тайшам з братьею и з детьми и с племянники, и улусным нашим калмыцким людям быти у великого государя царя в... послушанье и добра ему хотети во всем вправду безо всякие шалости и хитрости»³². Братья Дайчина тайши Лаузан и Санжин с их улусными людьми здесь уже не упоминаются.

Таким образом, было юридически оформлено разрешение основной на тот момент торгоутской внутриполитической проблемы — закрепление верховной власти за главной ветвью основанной Хо-Урлюком династии через механизм соправительства представителей трех ее поколений с одновременным обезглавливанием боковых ветвей. Здесь же называется и цена победы Дайчинова

³⁰ Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века. С. 63.

³¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. I. Собр. 1. № 145. С. 356–357; Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века. С. 62, 65.

³² Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века. С. 68.

рода — согласие на недавно еще совершенно неприемлемые условия вассальной зависимости от иноплеменного государства: скрепленные личными подписями личные клятвы на верность и обязательство «давать нам в государеву отчину в Астрахань для большего утверждения и крепости аманатов от родства и поколенья своего из двоюродных своих братьей и ис племянников калмыцкого тайшу доброго, да с ним родственных черных людей дву человек добрых же»³³.

Скорее всего, для Лаузана так же, как, возможно, раньше для Йельдена, такая плата за власть оказалась непосильной. Он был органически не способен переступить традиции степной воли и до последней возможности, подняв оружие против брата, боролся за их соблюдение. С другой стороны, он, по-видимому, понимал, что превосходство Дайчина заключается как раз в способности переступить через эти традиции, что нельзя подозревать его в предательстве, отступничестве, примитивном соглашательстве. Только этим можно объяснить вышеприведенное увещание, с которым он обратился к своим намеревавшимся мстить Дайчину сыновьям.

Выбор, сделанный Дайчином, был единственно верным. Очевидно, он вернулся из Джунгарии, где после кончины в 1654 г. Эрдени-Батур-хунтайджи началась длительная, тяжелая междоусобица, с твердым убеждением, что торгоуты в случае конфронтации с русскими не смогут рассчитывать на поддержку «дальних» калмыков. Кроме того, Дайчин хорошо представлял себе, чем может обернуться длительная братская междоусобица для всего торгоутского улуса. Тем более, что такая ситуация в это время уже была смоделирована в Джунгарском ханстве. В этих условиях Дайчин как крупный и ответственный политик был обязан переступить через некоторые традиции и родственные чувства. Беспрецедентная уступчивость калмыков была должным образом оценена. Они получили право кочевать по обе стороны Волги, были оптимизированы условия русско-калмыцкой торговли.

Но и для самого Дайчина такое решение далось не просто. Возможно, его принятие облегчалось мыслью о том, что принятые обязательства вовсе не являются вечными и неизблемыми. Не случайно и то, что в 1657 г. шертовал не сам Дайчин, а от его имени — сын и внук. В ходе переговоров 1661 г. о новой шерти Дайчин вообще предложил русскому послу дьяку И. С. Горохову окончательное решение по содержанию и оформлению шертного договора вырабатывать с Мончаком, потому что он, Дайчин, «при старости»³⁴.

Однако Дайчин меньше всего подходил на роль степного короля Лира. Он делегировал часть собственной власти сыну прежде всего с тем, чтобы отсечь от нее братьев и племянников. Параллельно он избавлялся от тяжкой для него необходимости лично присягать на подданство русскому царю. Кроме того, в плане формирования «русской политики» это означало, что Дайчин сохранял некоторую свободу действий, тогда как Мончак был поставлен в достаточно жесткие рамки.

В то же время успешная реализация очерченной схемы неизбежно поднимала вопрос о границе раздела властных полномочий между отцом и сыном. Дайчин предвидел проблемы, которые могли появиться у него в отношениях с Мончаком после победы над Лаузаном. Чтобы нейтрализовать амбиции сына, он вывел на политическую сцену внука. Поделив между ними часть властных полномочий, Дайчин позаботился, чтобы они, объединившись, не стали бы опасны ему самому. Поэтому он остановил свой выбор на Манжике, сыне умершего в 1646 г. Даян-Эрке, а не на Аюке, сыне Мончака. Расчет на противоборство дяди и племянника оказался верным лишь отчасти: их силы были явно неравны. Дайчин своевременно понял, что самоустранение от шертования будет ошибкой. Поэтому июньская 1661 г. шерть начинается словами: «Се аз Дайчин Тайша Урлюк Тайши сын, да яз Мончак Тайша Дайчина Тайши сын, учиня верный договор, даем шерть Великому Государю...»³⁵. Однако было уже поздно. В декабре того же года Мончак единолично шертовал русскому царю: «Даю шерть... Я Калмыцкий Бунчук Тайша за себя и за отца своего

³³ Там же. С. 68–69.

³⁴ Там же. С. 73.

³⁵ ПСЗРИ. Т. I. Собр. 1. № 300. С. 531.

Дайчина Тайшу Урлюкова, и за племянника своего Монжика Ялба Тайшу же, и за иных Тайшей, и за улусных своих Калмыцких родственных владетельных людей, которые с нами вместе кочуют, и за Нагайских, и за Едисанских, и за Енбулацких, и за Малисбашских, и за Келечинских Мурз, и за их детей, и братью, и племянников, и за внучат, и за улусных их людей»³⁶. Таким образом, он замкнул на себя все контакты с северным соседом на высшем уровне, оттеснив отца и самого опасного своего двоюродного родича от приоритетного направления внешней политики.

Чтобы сохранить за собой ускользающую власть, Дайчин вынужден был перейти на позиции, которые совсем недавно занимал его брат Лаузан. Это было до определенной степени оправдано и в плане усиления складывавшегося калмыцкого государства. Сосредоточение верховной власти в руках Дайчина, его сына и внука, т. е. создание династии с наследованием власти по прямой нисходящей линии (для чего собственно и нужны были все уступки Российскому государству при заключении шертей) как главное на тот момент условие государственной консолидации торгоутской этнической общности было достигнуто. Следовательно, открывалась перспектива для восстановления прежнего суверенного статуса и успешной конкуренции с соседями за ведущую роль в регионе, и Дайчин попытался ей воспользоваться. Однако эффективному проведению данной политической линии мешала позиция Мончака, который торопился в полном объеме наследовать власть Дайчина, и с этой целью отныне должен был ориентироваться на все более тесное сближение с Россией.

Зимой 1661/62 г., т. е. сразу после последнего шертования, следовательно, демонстративно, Манжик совершил нападение на Терский городок и окрестности Астрахани. Мончак отреагировал на это не менее демонстративно — захватил улусы племянника, а его самого взял в плен и выдал русским властям³⁷. Таким путем торгоутские тайши от своих родичей в борьбе за власть еще не избавлялись. Это было слишком даже для такого ниспровергателя традиций, как Дайчин. Хотя вполне возможно, что в душе он одобрял решительность сына, но решил воспользоваться ситуацией, чтобы укрепить собственное пошатнувшееся положение. Он потребовал от русских властей немедленного освобождения племянника, угрожая в противном случае войной³⁸. Таким образом, калмыцкая политическая элита в очередной раз разделилась.

Этот демарш на русские власти впечатления не произвел. Сын Даян-Эрке освобожден не был, дальнейшая его судьба по источникам не прослеживается. Тогда Дайчин принял участие в башкирском восстании 1662–1664 г., роль калмыков в котором А. П. Чулошников определил следующим образом: «Уже в 1662 г., когда движение вышло из своей первоначальной подготовительной стадии, оно наметило два организующих центра: с одной стороны, в лице наследников прежнего сибирского хана Кучума, его внуков султанов Кучука и Абугая, с другой — в лице калмыцких тайшей Дайчина и Аюки (старший сын Мончака. — В. К.), пытавшихся использовать момент для возобновления своего давнего соперничества с Московским государством за обладание Башкирией. И впоследствии, в течение всего хода восстания связь двух направлений никогда не прерывалась»³⁹. Восстание было подавлено. Правда, политическая интуиция и трезвый расчет и на этот раз не изменили Дайчину. Он вовремя отмежевался от башкирских мятежников, повинился перед царским правительством, был прощен и стал кочевать со своим улусом по Яику⁴⁰, т. е. там, где был фактически независим от сына и русских властей.

Мончак в башкирском восстании был на стороне России. Летом 1664 г. он был официально признан царской властью в качестве верховного правителя калмыцкого народа и наделен соответствующими символами власти: булавой и знаменем⁴¹.

³⁶ Там же. Т. I. № 316. С. 561–562.

³⁷ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. С. 23.

³⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1968. С. 134.

³⁹ Чулошников А. П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 29.

⁴⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 134.

⁴¹ Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. С. 110.

Мончак контролировал основную массу торгоутских улусов, но так и не сумел добиться всеобщего и безусловного признания своей верховной власти. Ему все время приходилось доказывать свое право на нее. И это было платой за слишком тесное и подчиненное сотрудничество с Русским государством, обойтись без которого он уже не мог. И даже просил о постройке крепости и размещении в нем русского гарнизона на левом берегу Яика для защиты «от приходу дальних калмыцких людей великого государя под города и на калмыцкие улусы»⁴². В 1669 г. в разгар какой-то войны с дальними калмыками он умер⁴³.

Его сыну Аюке пришлось бороться за власть с родичами, которые еще не были готовы признать только что сложившийся порядок наследования статуса первенствующего тайши по прямой нисходящей линии: Хо-Урлюк — Дайчин — Мончак — Аюка. Известно, что тайши Дугар, двоюродный дядя Аюки, сын Шункея, и Бок ушли на Дон и отсюда в 1670 г. нападали на Аюку. У Габан Шараба есть глухое упоминание о том, что «Аюка хан Солом Церена и Тайджу Баатура (тайша Багатырь, двоюродный дядя Аюки, сын Шункея? — В. К.), хотевших его поймать простил»⁴⁴. Тем не менее в Цаган-Сар 1672 г. Дугар и другие торгоутские тайши, а также главный тайша приволжских дербетов Солом-Серен помогли Аюке разгромить на Ямке хошоутского тайшу Аблая и вернуть улусы и кочевья, которые незадолго до этого Аблай отнял у Дайчина, и тем самым утвердился в статусе первенствующего тайши. Родичи Аюки проявили очень высокую степень внутриэтнической консолидации и нашли в себе силы подавить личные амбиции во имя сохранения целостности торгоутского нутука.

Но наследник Мончака и Дайчина не имел права рисковать. Вскоре после этих событий, как отмечается в калмыцких хрониках, «Аюка-Хан погубил своего родного дядю Дугара, который доставил ему улус и сделал его ханом»⁴⁵. Причем Дугара, как и захваченного в плен Аблая, Аюка передал русским властям. Теперь уже его личные, впрочем, совпадавшие с государственными интересы требовали сближения с Россией. Неизбежность такой внешнеполитической ориентации понимали современники. «(Торгоутовский) Дугар говорил (своему племяннику) Аюке-Хану: “Если мои деяния непогрешительны, то ты, Аюка, почему бы то ни было, непременно пойдешь в Россию”. Слова эти действительно сбылись (когда Аюка-Хан принял подданство России)»⁴⁶.

Первенствовавший тайша приволжских калмыков Аюка шертовал на верность России в 1673⁴⁷, 1677⁴⁸, 1681⁴⁹, 1683⁵⁰ и 1684⁵¹ годах, т. е. гораздо интенсивнее, чем любой из его предшественников. Причем в течение всего этого недолгого времени его суверенитет стремительно возрастал и достиг апогея в 1690 г., когда от верховного иерарха ламаистской церкви Далай-ламы из Лхасы Аюке была прислана грамота на титул хана и инсигнии ханской власти⁵². Тем самым фактический статус Аюки как суверенного государя суверенного этнополитического образования получил высшую в монголо-ойратском социуме санкцию, и на политической карте Европы появилось Калмыцкое ханство.

Эволюция русско-калмыцких отношений как отношений двух политических партнеров, в которых калмыцкая сторона лишь на словах была подчиненной, а по существу оставалась независимой и через механизм формальной вассальной подчиненности России в целом эффективно добивалась

⁴² Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 135.

⁴³ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. С. 23.

⁴⁴ Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись). С. 155.

⁴⁵ Он же. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись). С. 155.

⁴⁶ Там же. С. 35.

⁴⁷ ПСЗРИ. Т. I. Собр. 1. № 540. С. 923–927.

⁴⁸ Там же. Т. II. № 672. С. 80–86.

⁴⁹ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 141.

⁵⁰ ПСЗРИ. Т. II. Собр. 1. № 990. С. 493–499.

⁵¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 143.

⁵² Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. С. 26, 35.

международного признания своего политического суверенитета, получила логическое завершение 17 июля 1697 г. в «Договорных статьях, учиненных на реке Камышенке, между Калмыцким ханом Аюкою и Боярином Князем Борисом Голицыным. — О пособии ему с Российской стороны огнестрельными орудиями в случае похода его против Бухарцев, Каракалпаков и Киргисцев, о свободном ему при всех Российских селениях кочевании, о вспоможении ему в случае нападения на него Крымцов, о штрафе за крещение калмыков без особенного указа и о защищении Хана от Донцов и Башкирцов». По сути дела это договор равноправных партнеров. Показателен и завершающий абзац документа: «Боярин Князь Борис Александрович, с Калмыцким Аюкаем, при сыне и при всех его лучших людех такими заручными белыми письмами разменились»⁵³.

Таким образом, в XVII столетии «русская» политика тайшей выступала как средство обеспечения внутривполитической стабильности в улусах и катализатор процессов развития государственности у приволжских калмыков. Однако такая политика была возможна только в конкретных исторических условиях XVII в. и требовала очень точного расчета. Личное обращение Аюки-хана к императору Петру I в 1722 г. с просьбой помочь ему в передаче власти любимому младшему сыну Церен-Дондуку в обход потомства незадолго до этого скончавшегося старшего сына и соправителя Аюки Чакдоржапа⁵⁴ спровоцировало острый внутривполитический кризис, в конечном итоге завершившийся утратой Калмыцким ханством суверенитета.